

**ОТ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» К ГУМАНИТАРНОЙ
ПОЛИТИКЕ: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ**

**FROM THE CONCEPT OF “SOFT POWER” TO
HUMANITARIAN POLICY: THE RUSSIAN FEDERATION
AND INTEGRATION PROCESSES
IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION**

Малюк Ирина Александровна,

магистрант Белорусского государственного экономического
университета, член Совета молодых ученых Белорусского
государственного экономического университета,
Республика Беларусь, г. Минск

Iryna Maliuk,

Undergraduate student of Belarus State Economic University,
Member at the Council of Young Scientists Belarus State
Economic University,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В современном мире «мягкая сила» — один из основных инструментов внешней политики государств, используемых для выстраивания международных отношений и продвижения геополитических интересов. Она предполагает задействование не прямых методов для достижения поставленных целей, наиболее эффективным из которых считается демонстрация привлекательности. «Мягкая сила» играет ключевую роль в формировании и укреплении взаимоотношений членов Евразийского экономического союза. Вместе с тем, они используют не западный вариант «мягкого влияния», а разработанные, отличающиеся своей спецификой. Наиболее ярким примером

в данном случае является Российская Федерация, которая в 2022 г. начала реализацию Концепции гуманитарной политики за рубежом. Это во многом объясняется стремлением государства к укреплению авторитета среди стран-участниц Евразийского экономического союза, а также меняющейся геополитической обстановкой на международной арене, вносящей коррекцию в российский внешнеполитический курс. Делается вывод о том, что на современном этапе гуманитарная политика становится адаптированным инструментом «мягкой силы», используемым Российской Федерацией для достижения стратегических целей.

Ключевые слова: Российская Федерация, «мягкая сила», гуманитарная политика, Евразийский экономический союз.

Abstract. In the modern world, “soft power” is one of the main tools of the foreign policy of states used to build international relations and promote geopolitical interests. It involves the use of indirect methods to achieve goals, the most effective of which is considered to be the demonstration of attractiveness. “Soft power” plays a key role in the formation and strengthening of relations between the members of the Eurasian Economic Union. At the same time, they do not use the Western version of “soft influence”, but developments that differ in their specifics. The most striking example in this case is the Russian Federation, which in 2022 began implementing the Concept of Humanitarian Policy Abroad. This is largely due to the desire of the state to strengthen its authority among the member countries of the Eurasian Economic Union, as well as the changing geopolitical situation in the international arena, which is correcting the Russian foreign policy course. It is concluded that at the present stage, humanitarian policy is becoming an adapted tool of “soft power” used by the Russian Federation to achieve strategic goals.

Keywords: Russian Federation, “soft power”, humanitarian policy, Eurasian Economic Union.

Глобализация, распространившись на все сферы жизни обществ, привела к изменению моделей соперничества между странами за обладание ресурсами и получение преимуществ на мировом рынке. Для поддержания конкурентоспособности их

правительства, параллельно реагируя на постиндустриальный переход, сопровождающийся внедрением новейших технологий, все больше стали делать выбор в пользу «мягкого влияния», а не стратегии принуждения.

Внедрению термина «мягкая сила», логически интегрирующего использование ненасильственных способов конкуренции и разрешения конфликтов, способствовал американский политолог Дж. Най. Соответствующая концепция была официально представлена автором в 1990 г. [9] Она вскрыла использование государствами в качестве новой внешнеполитической практики альтернативного подхода к достижению своих целей, который предполагает опору на языковые и культурные факторы, а также симпатии в формировании привлекательного международного имиджа.

Изначально данная концепция была ориентирована на западные страны. Время ее зарождения совпало с эпохой, когда США¹ активно продвигали свою модель демократии, базирующуюся на капиталистическом строе, как наиболее предпочтительный сценарий развития для других стран. Она предусматривала использование культурного и идеологического факторов для решения геополитических вопросов, в том числе установления контроля над суверенными национальными образованиями и целыми макрорегионами без задействования прямой военной силы [2]. Тем не менее, нельзя упускать тот момент, что концепция «мягкой силы» с момента ее возникновения успела эволюционировать, в том числе и в плане ее применения со стороны США. Современная «мягкая сила» в плане проявлений включает более жесткие и манипулятивные методы воздействия, поэтому выходит за пределы изначального классического понимания.

Таким образом, следует утверждать, что каждое государство способно адаптировать исходный вариант концепции под соб-

¹ Прим.: США — Соединенные Штаты Америки.

ственные нужды, прибегая к сочетанию «чистых наевских» элементов с такими средствами, как проведение информационных войн, установление экономической зависимости, осуществление давления через научное сотрудничество и проч. Выдвинутый тезис справедлив и в отношении России¹.

Цель данной статьи заключается в анализе трансформации концепции «мягкой силы» в контексте российской гуманитарной политики, а также исследовании ее влияния на евразийские интеграционные процессы.

Россия — одна из наиболее влиятельных стран в мире, которая имеет многолетнюю историю, обладает богатым культурным наследием и различными природными ресурсами. Ее значительный политико-экономический потенциал привлекает внимание многих государств. Однако международный имидж России остается довольно спорным. В связи с этим у ее руководства есть определенный интерес к использованию «мягких» инструментов для налаживания взаимоотношений с другими акторами и продвижения внешнеполитических интересов.

Концепция «мягкой силы» впервые появилась в российском политическом дискурсе в 2012 г., когда Президент В.В. Путин призвал к внедрению новых технологических подходов в дипломатии. Официальное признание как средство внешней политики «мягкая сила» получила 12 февраля 2013 г. и была определена в качестве ключевого элемента комплексного подхода для решения стратегических задач. Причем предполагалось, что спектр предпринимаемых шагов в данном случае может быть достаточно обширным, объединяющим классические варианты дипломатии с использованием информационно-коммуникативных технологий, гуманитарных и иных способов влияния [3].

Одной из отличительных черт российской стратегии «мягкой силы» является нацеливание на конкретную целевую ауди-

¹ Прим.: Россия — Российская Федерация.

торию, вместо стремления объять весь мир. Россия фокусируется на тех странах, которые демонстрируют объективный интерес в развитии партнерства, особенно входящих в зону ее геополитических интересов, — постсоветского пространства и Центральной Азии. Для усиления эффекта воздействия на эти страны российское правительство активно напоминает про их общую историю, связывающую государства на протяжении многих столетий, общие традиции, сложившиеся в период их совместной жизни в СССР¹, а также общий духовный опыт [8].

С момента официального признания концепции «мягкой силы» страна стала двигаться по пути создания благоприятных условий для упрочнения своего положения на указанных территориях и в международном пространстве в целом. Однако, несмотря на предпринимаемые попытки, Россия не достигла желаемых результатов. Страна столкнулась с рядом препятствий, что привело к ограниченному успеху и недостаточному укреплению своей позиции.

Одна из главных проблем заключается в отсутствии четкой стратегии и полного понимания инструментов, необходимых для получения высоких результатов по выбранным направлениям. Кроме того, по большинству реализуемых проектов не наблюдалась четкая координация действий. Так, в рамках ЕАЭС² Интеграционные процессы были нередко осложнены непростыми взаимоотношениями между государствами. Периодически возникали опасения, что в силу экономического, политического и военного влияния Россия будет доминировать и навязывать свою волю другим участникам [6]. Очевидны также ограничения российской «мягкой силы» в способности адаптироваться к быстро меняющемуся международному контексту. В эпоху набирающей темпы технологизации стране не всегда удавалось вырабатывать жизнеспособные альтернативные

¹ Прим.: СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

² Прим.: ЕАЭС — Евразийский экономический союз.

стратегии, позволяющие выдерживать конкуренцию с другими государствами.

Ситуация начала меняться лишь несколько лет назад. Отправной точкой стала дата 5 сентября 2022 г., когда была утверждена Концепция гуманитарной политики. Она считается опорным документом России, помогающим стране реализовывать свой вариант концепции «мягкой силы», ставка в котором делается на гуманитарную политику. В отличие от прямого копирования американского подхода, российская гуманитарная политика адаптирована под реалии, связанные с потребностями страны, и учитывает влияющие на нее уникальные исторические, культурные и геополитические факторы. Считается, что новую версию российского «мягкого влияния» можно рассматривать как контрсилу западной «мягкой силе», особенно американской и европейской.

Вместе с тем необходимо отметить, что гуманитарная политика и «мягкая сила» не представляют одно и то же. Основное различие заключается в их целях. «Мягкая сила» ориентирована на установление влияния через привлечение и убеждение, продвижение своей культуры, конструирование аттрактивных идей, ценностей, политических моделей. Ее главная задача состоит в формировании позитивного образа государства в глазах других народов, налаживании доверия и взращивании симпатий. Гуманитарная политика, в свою очередь, фокусируется на оказании помощи, содействии и развитии человеческого капитала, культурных обменах, научном сотрудничестве, образовательных программах. Ее назначение видится в создании благоприятной и дружественной атмосферы для взаимодействия и развития.

В то же время гуманитарная политика и «мягкая сила» тесно связаны между собой. В совокупности они образуют мощный инструмент влияния на международные отношения и повышение авторитета государства на мировой арене. В частности, гуманитарная политика значительно усиливает «мягкую силу»

посредством демонстрации приверженности общечеловеческим ценностям и готовности поддерживать других. В некоторых случаях, когда традиционные методы соблазнения становятся неэффективными, гуманитарная политика может заменить «мягкую силу».

В случае с Россией концепция гуманитарной политики предполагает комплексное воздействие на целевые аудитории. Она включает в себя несколько направлений, таких как восстановление сильного бренда и укрепление престижа, интенсификация усилий по распространению российских духовно-нравственных ценностей и русского языка, сохранение исторической памяти и культурного наследия. Речь идет также о направлениях, связанных с развитием международного сотрудничества в области спорта, туризма, молодежной кооперации, расширением присутствия отечественных средств массовой информации в информационном пространстве за рубежом [14]. В качестве результатов ожидается укрепление диалога между культурами, преодоление стереотипов, развитие взаимопонимания между странами. В условиях усиления напряженности в отношениях с Западом гуманитарная политика может сыграть важную роль в консолидации позиций России с государствами Глобального Юга, способствуя установлению долгосрочных партнерских отношений.

Очевидно, что ключевым компонентом гуманитарной политики России является продвижение ее восприятия как суверенного цивилизационного государства, отстаивающего собственные интересы и ценности, активно участвующего в региональных и глобальных инициативах, направленных на обеспечение безопасности и стабильного развития. Семантически переструктурировать негативные представления о стране позволяет демонстрация гибкости мышления, готовности к инновациям, технологическому прогрессу и стремления поддерживать проекты развития. Поле политического и социального притяжения формируется также за счет трансляции способности вы-

страивать отношения на основе баланса между сохранением традиционных ценностей и открытостью к новым идеям. Это позволяет эффективно участвовать в международном сотрудничестве и укреплять свои позиции на мировой арене [12].

ЕАЭС представляет собой реальную платформу, благодаря которой закрепляется высокий статус России как влиятельного игрока, решающего задачи регионального развития, в том числе с использованием инструментов гуманитарной политики. Сообщество способствует углублению культурных, образовательных и экономических связей между государствами-членами. Проекты по модернизации инфраструктуры, совместные научные и технологические инициативы, а также обмен опытом и передовыми практиками в различных сферах оборачиваются укреплением доверия и партнерских отношений.

Более того, ЕАЭС служит платформой для разрешения конфликтов, устранения противоречий, укрепления стабильности на евразийском пространстве. Развитие механизмов диалога и сотрудничества в рамках союза помогает находить компромиссы и решать возникающие проблемы мирным путем.

Российская гуманитарная политика в рамках ЕАЭС основывается на таких принципах, как справедливость в международных отношениях, невмешательство во внутренние дела суверенных государств, противодействие неоколониализму. Россия выступает за сохранение, развитие и распространение традиционных ценностей, национальной идентичности и культуры как альтернативы западному глобализму [12].

В списке аспектов рассматриваемой гуманитарной политики ключевыми являются развитие русского языка и укрепление сферы образования. Русский язык продвигается как «язык-посредник», служащий естественным средством межнационального общения, достижения деловых, научно-образовательных и иных целей. Помимо прочего, его знание дает значительные конкурентные преимущества на рынке труда, особенно в рамках ЕАЭС. Однако, несмотря на значимость, русский язык по-

прежнему вызывает различные споры в странах-участницах Сообщества. Одни считают его важным средством коммуникации и ключевым фактором межэтнического взаимопонимания, другие выражают обеспокоенность по поводу нежелательного влияния на местную идентичность.

Так, например, в Кыргызстане¹ дискуссии о роли и статусе русского языка в последнее время стали регулярными. Президент страны однозначно поддержал сохранение и развитие русского языка, отметив его важность для общества. Официальный статус русского языка закреплен в Конституции и другом законодательстве страны. Наряду с этим бывший глава комиссии по языковой политике К. Осмоналиев в своем выступлении в Парламенте выразил намерение перевести страну исключительно на кыргызский язык, что вызвало обеспокоенность в отношении прав русскоязычных граждан, проживающих на территории Республики. На уровне публичного дискурса было озвучено мнение, согласно которому вместо того, чтобы действовать в интересах всего населения, заявленный шаг может нарушить принцип равенства и поддержки многоязычия [1].

Ввиду наличия определенных сложностей на пути охвата русским языком социальных сегментов, принадлежащих к иностранной юрисдикции, высшим руководством России запущена специальная программа. Она преследует решение двух задач: сетевое расширение курсов русского языка и других форматов, позволяющих интенсифицировать его изучение в странах-партнерах; поддержание и стимулирование интереса к русскому языку и сохранению культурной идентичности русских общин в государствах, где русский язык воспринимается неоднозначно [7].

В гуманитарной политике России значительную роль играет ее интеллектуальный капитал. Как важное вложение в будущее евразийского пространства рассматривается популяризация модели отечественного образования. Россия активно расширя-

¹ Прим.: Кыргызстан — Кыргызская Республика.

ет квоты для приема иностранных студентов, развивает филиалы своих вузов за рубежом. В рамках ЕАЭС основные перспективы укрепления российской системы образования и науки связаны с ростом интереса к российским дипломам в странах-участницах. Кроме того, развитие образовательного туризма предоставляет значительные возможности для более активной интеграции и преодоления культурных барьеров [13].

Тем не менее, основной проблемой, препятствующей прогрессированию в данной сфере, является недостаточная студенческая и академическая мобильность. По данным на 2020 г., объем академической мобильности в России достиг 315 тыс. человек. При этом доля обучающихся из стран ЕАЭС составила около 26% от общего числа иностранных студентов. С другой стороны, объем исходящей студенческой мобильности в том же году достиг 57 тыс. человек, что составляет примерно 11% от числа уезжающих студентов. При продолжающейся тенденции государства, входящие в ЕАЭС, могут быть обеспокоены потерей интеллектуального капитала и потенциальным оттоком квалифицированных специалистов [10].

Примечательно, что программы академической мобильности в ведущих российских вузах в основном направлены на страны дальнего зарубежья, в то время как участие университетов из стран ЕАЭС, как правило, ограничено представителями из одного или двух университетов¹. Наиболее широкая программа обмена с университетами стран ЕАЭС реализуется в На-

¹ *Прим.:* например, Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова выстроена конструктивная коллаборация с Белорусским государственным университетом и Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева (Республика Казахстан). Российский университет дружбы народов сотрудничает с Казахским национальным университетом имени аль-Фараби, Санкт-Петербургский государственный университет — с Белорусским государственным университетом и Ошским государственным университетом (Кыргызская Республика).

циональном исследовательском университете «Высшая школа экономики», который успешно взаимодействует с Российско-Армянским университетом и пятью крупнейшими казахстанскими вузами [10].

Следовательно, есть все основания актуализировать проблему более активного развития партнерства с учреждениями высшей школы стран, входящих в ЕАЭС. В рамках гуманитарной политики увеличение базы сотрудничающих университетов позволит укрепить связи в рамках евразийского пространства и расширить горизонты для обмена знаниями, опытом, культурными ценностями между государствами-членами.

В заключение можно подчеркнуть, что эволюция от концепции «мягкой силы» к гуманитарной политике в контексте евразийских интеграционных процессов является важным шагом в углублении межрегиональных отношений. Россия стремится не только к экономическому и политическому влиянию, но и укреплению культурных и гуманитарных связей со своими партнерами. Это подразумевает наращивание сотрудничества в области образования, науки, культуры и развития человеческого капитала, что способствует складыванию системы устойчивых и взаимопонятных отношений, формированию общего пространства ценностей и идентичностей.

Однако в целях оптимизации гуманитарной политики необходимо уделять особое внимание устранению культурных, языковых и образовательных барьеров, а также активному вовлечению граждан и общественных организаций в объединительный процесс. Только совместными усилиями по укреплению гуманитарных связей государств-членов можно добиться общего гармоничного и устойчивого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккер П. Русский язык vs чиновничий произвол [Электронный ресурс] // Россия и соотечественники. — 2024. — URL: <https://russkie.org/articles/russkiy-yazyk-vs-chinovnichiy-proizvol/> (дата обращения: 23.03.2024).

2. *Братерский М. В., Скриба А. С.* Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США / М. В. Братерский, А. С. Скриба [Текст] // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2014. — Т. 9. — № 2. — С. 130–144.
3. *Будаев А. В.* «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы / А. В. Будаев [Текст] // Государственное управление. Электронный вестник. — 2015. — № 48. — С. 189–205.
4. *Григоренко А. А.* Молодежная политика в современной России / А. А. Григоренко [Текст] // Инновационная наука. — 2016. — № 4. — С. 147–148.
5. *Кузьмин А. М.* Формирование Информационно-управляющей системы российской медиасреды / А. М. Кузьмин [Текст] // Вестник Московского университета. — Серия 10: Журналистика. — 2009. — № 6. — С. 1–5.
6. *Лебедева М. М., Харкевич М. В.* «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве / М. М. Лебедева, М. В. Харкевич [Текст] // Вестник МГИМО. — 2014. — № 2. — С. 10–13.
7. *Левченко А.* Возможна ли евразийская интеграция в сфере образования? // РСМД. — 2022. —
8. *Леонова О. Г.* Мягкая сила -Нарек М. Концепция «Мягкой силы» в контексте теорий международных отношений / М. Нарек [Текст] // 21-й век. — 2017. — № 3. — С. 35–42.
9. Программа развития академической мобильности [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. — 2024. — URL: https://eabr.org/upload/iblock/bed/EDB_2024_1_Working-Paper_Academic-Mobility_rus.pdf (дата обращения: 20.03.2024).
10. Совещание послов и постоянных представителей России [Электронный ресурс] // Президент России. — 2012. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15902> (дата обращения: 20.03.2024).
11. Точки роста: мир России — мир Евразии (О российской гуманитарной политике на евразийском пространстве) [Электронный ресурс] // Россия и соотечественники. — 2024. — URL: <https://russkie.org/library/tochki-rosta-mir-rossii-mir-evrazii-o-rossiyskoy-gumanitarnoy-politike-na-evraziyskom-prostranstve/> (дата обращения: 23.03.2024).
12. Точки роста: Евразийская повестка 2030. Доклад по итогам ситуационного анализа [Электронный ресурс] // Россия и соотечественники. — 2024. — URL: <https://russkie.org/library/tochki-rosta->

[evraziyskaya-povestka-2030-doklad-po-itogam-situatsionnogo-analiza/](#)
(дата обращения: 23.03.2024).

13. Указ Президента Российской Федерации: от 05.09.2022 № 611: Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [Электронный ресурс] // Президент России. — 2022. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 20.03.2024).

14. *Шершнёв И. Л.* Общественная дипломатия России в формировании справедливого миропорядка: гуманитарное измерение / И. Л. Шершнёв [Текст] // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 2. — С. 300–308.